

155.1
к-82
20608

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

4900

А. КРИВИЦКИЙ

20608

О 28 лавишке солдат

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

О 28 ПАВШИХ ГЕРОЯХ

Когда в бою умирают гвардейцы, крылатая слава слетает с воинского знамени и незримо становится в почетный и бессменный караул у изголовья погибших. Далеко по советской земле разнеслась весть о подвиге двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, сложивших свои головы на поле брани. Мы еще не знали всех подробностей их гибели, еще не были названы имена героев, тела их еще покоились на земле, захваченной врагом, но уже обходила фронты молва о сказочной доблести двадцати восьми советских богатырей.

Только теперь нам удалось восстановить полную картину гибели горстки храбрецов-гвардейцев.

Это было 16 ноября. Панцирные колонны врага находились на Волоколамском шоссе. Они рассчитывали, не останавливая заведенных моторов, ворваться в Москву. 316-я стрелковая дивизия, ныне 8-я гвардейская краснознаменная имени генерала Панфилова, преградила им дорогу. Товарищ Сталин отдал приказ — задержать немцев во что бы то ни стало. И на пути гитлеровцев выросла непреодолимая стена советской обороны.

Полк Капрова занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение сержанта Добробабина. В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населенных пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали свыше 80 танков, два полка пехоты, 6 минометных и четыре артиллерийских батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов. Гибель боя.

Теперь мы знаем, что прежде чем двадцать восемь героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с вражескими автоматчиками. Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьезное сопротивление. Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Сержант Добробабин точно распределил цели. Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина. Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский, молодецкий посвист. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.

Атака автоматчиков отбита. Более семидесяти вражеских трупов валяются недалеко от окопа. Лица уставших бойцов задымлены порохом, люди счастливы, что достойно померялись силами с врагом, но не знают они еще своей судьбы, не ведают, что главное — впереди.

Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами. Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. Вдруг они услышали знакомый голос:

— Здорово, герои!

К окопу добрался политрук роты Клочков. Только теперь мы узнали его настоящую фамилию. Страна прославила его под именем Диева. Так назвал его однажды красноармеец украинец Бондаренко. Он говорил: «Наш политрук постоянно дие» — по-украински значит — действует. Никто не знал, когда Клочков спит. Он был всегда в движении. Деятельного и неутомимого, его любили бойцы, как старшего брата, как родного отца. Меткое слово Бондаренко

облетело не только роту, но и полк. Клочковым политруком значился лишь в документах. Даже командир полка звал его Диевым.

В тот день Клочков первый заметил направление движения танковой колонны и поспешил в окоп.

— Ну, что, друзья, — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!

Люди улыбнулись.

Добираясь к окопу, Клочков понимал, что ждет его и товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды красноармейцев, думал: «выдержим до конца». Вот все они были перед ним — люди, с которыми ему предстояло разделить и смерть и славу.

...Пусть армия и страна узнают, наконец, их гордые имена. В окопе были: Клочков Василий Георгиевич, Добробабин Иван Евстафьевич, Шепетков Иван Алексеевич, Крючков Абрам Иванович, Митин Гавриил Степанович, Касаев Аликбай, Петренко Григорий Алексеевич, Есибулатов Нарсутбай, Калейников Дмитрий Митрофанович, Натаров Иван Моисеевич, Шемякин Григорий Михайлович, Дутов Петр Данилович, Митченко Николай, Шапоков Душанкул, Конкин Григорий Ефимович, Шадрин Иван Демидович, Москаленко Николай, Емцов Петр Кузьмич, Кужебергенов Даниил Александрович, Тимофеев Дмитрий Фомич, Трофимов Николай Игнатьевич, Бондаренко Яков Александрович, Васильев Ларион Романович, Болтов Николай, Безродный Григорий, Сенгирбаев Мустафа, Максимов Николай, Ананьев Николай.

Был еще и двадцать девятый. Он оказался трусом и предателем. Он один потянул руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: «Славайс!» Он стоял жалкий, дрожащий, отвратительный в своей рабьей трусости. Перед кем падаешь на колени, тварь? Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно,

не сговариваясь, без команды выстрелили в изменника. Это сама родина покарала отступника.

Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, зажигали, их бутылками с горючим. Уже четырнадцать танков недвижно застыли на поле боя. Но уже убит сержант Добробабин, убит боец Шемякин, истекает кровью Петренко, лежа на соломе, покрывающей дно окопа, мертвы Конкин, Шадрин, Тимофеев и Трофимов. В этот миг в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них — несколько тяжелых. Тридцать новых машин насчитал Клочков. Сомнений не было — они шли к железнодорожному разъезду, к окопу смельчаков. Ты немного ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придется меньше чем по одному на брата. Их уже больше чем по два на бойца. Родина, мать-отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пускай не дрогнут они в этот тяжелый час!

Воспаленными от напряжения глазами Клочков посмотрел на товарищей.

— Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Танки двигались к окопу. Раненый Бондаренко, пригнувшись к Клочкову, обнял его невредимой рукой и сказал: «Давай поцелуемся, Диев». И все они, те, кто был в окопе, перецеловались и вскинули ружья, и приготовили гранаты. Танки все ближе и ближе. Вот они уже у самого окопа. Им навстречу поднимаются бесстрашные.

Тридцать минут идет бой, и нет уже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из строя. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая пальцами его стальные плиты. Прямо под дуло вражеского пулемета идет, скрестив на груди руки, Кужебергенов и падает замертво. Полбито и горит

около десятка танков. Клочков, сжимая последнюю связку гранат, бежит к тяжелой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу чудовища и, пронзенный пулями, опускается на землю.

Убит Клочков. Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, голова к голове, лежит раненый Натаров. Мимо них с лязгом и грохотом движутся танки врага, а Клочков шепчет своему товарищу: «Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят нас... Если жив будешь, скажи нашим...»

Он не кончил фразы и застыл. Так умер Клочков, чья жизнь была отдана мужественному деянию на поле брани.

Все это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров — последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев. Он передал нам, живущим, их завещание. Смысл этого завещания был понят народом еще в ту пору, когда мы не знали всего, что произошло у разъезда Дубосеково. Нам известно, что хотел сказать Клочков в тот миг, когда неумолимая смерть витала над ним. Сам народ продолжил мысли умиравшего и сказал себе от имени героев: «Мы принесли свои жизни на алтарь отечества. Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего идем на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу, идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили».

Это завещание живет в сердцах воинов Красной Армии. Солнце победы все ярче и ярче горит на их знаменах. Враг отступает. Его преследуют кровные

братья героев-панфиловцев, истребляют без жалости, мстят без милосердия.

Стояло тихое, морозное утро, наверно, такое же, как и в день 16 ноября. Наши части вновь овладели Дубосековым, и мы ехали к месту легендарного сражения двадцати восьми гвардейцев. Последнюю ночь бушевала метель, и мы шли теперь по снежной целине. Впереди осторожно двигались саперы с миноискателями.

— Здесь, — сказал капитан Гундилович.

Вокруг расстилалась ровная белая пелена. Слева, за небольшой рощицей, протянулась линия железной дороги. Справа стояли одинокие ели. Ничто не напоминало о разыгравшихся здесь событиях.

Мы заработали лопатами. Минута, другая, третья, и постепенно из-под снега стало возникать поле битвы. Вот показался кусок бруствера окопа. Вот обнажен угол блиндажа. Вот лопата соприкоснулась с чем-то металлическим, и появилась каска, а следом за ней кинжал. Мы роем дальше и почти с головой уходим в землю — это вторично на том же месте вырастает в землю окоп полного профиля. Комья снега стали желтокрасными. В хрусталиках льда, как в сосудах с драгоценной жидкостью, заалела кровь. Она теперь повсюду, эта священная кровь погибших, — на нижних бревнах блиндажа, на открытом противогазе, на вытащенной плащ-палатке, на снегу вокруг.

Показалось тело. Сначала ноги, потом туловище. Военком дивизии полковой комиссар Егоров, полковник Капров, начальник политотдела дивизии Галушко и капитан Гундилович бережно поднимают на руки труп героя. У него размозжена голова. Нельзя узнать, кто это — Крючков, со строгим спокойным лицом, Есибулатов или быть может веселый сержант Добробабин. Это не Клочкив. Нам стало известно, что местные жители, хорошо знавшие кипучего полит-

рука, тайком от немцев разыскали его труп и скронули за сторожкой путевого обходчика. Мы опустили мертвеца на землю. Карманы его шинели, гимнастерки и брюк вывернуты. В них нет ни одного документа. Унесли немцы, прихватив с собой и ушанку и сапоги убитого. Рядом с ним в окопе мы нашли лишь записную книжку. Она была еще чистой и хранила лишь номер винтовки — 21789. Запомним его. Эта винтовка стреляла без промаха.

Все смотрели на свежий могильный холмик. Возле него выстроился взвод молодых гвардейцев-панфиловцев. Им не раз рассказывали раньше историю подвига двадцати восьми, и теперь они сами увидели одного из них.

В безмолвии и скорби застыли люди. Все обнажили головы, и я увидел седины старого воина-полковника Капрова, стоявшего впереди своих новых птенцов-гвардейцев, которых он сделает орлами в бою. Начальник политотдела дивизии Галушко взволнованно произнес надгробное слово: «Мы помним ваше завещание, герои. Мы слышим ваши предсмертные голоса. Мы сделаем все, чтобы быть достойными вашей доблести и чести».

Прогремел тоекратный торжественный салют. Как бы могучим эхом, ему отозвался гром наших пушек. За спиной находились огневые позиции артиллерии, а впереди в нескольких километрах кипел бой. И такими живыми стали в нашем сознании погибшие панфиловцы, что казалось, будто пройдет еще мгновение и, блистая славой, они восстанут из могилы, чтобы устремиться туда, где идут в наступление наши полки. Вечная память в сознании живущих и есть бессмертие павших.

цена 5 коп.

А61465.

Издательство «ПРАВДА».

Зак. 2281

Подписано к печати 18/VIII 1942 г.

Тираж 1 000 300

Типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды».

